

Священный крест тамплиеров

Автор:

Наталья Александрова

Священный крест тамплиеров

Наталья Николаевна Александрова

Артефакт & Детектив

По преданию, святой Иосиф собственноручно выточил священное распятие из частицы Животворящего Креста – того самого, на котором претерпел муки Спаситель. С помощью этой реликвии можно найти бесценные сокровища ордена тамплиеров, которые они спрятали, опасаясь гонений Церкви и французского короля... Эве Стрижевой по счастливой случайности удалось избежать смерти – взорвался автобус, на котором она возвращалась из командировки. Несколько ее попутчиков погибли, а теперь Эву подозревают в теракте... Ее преследуют злоумышленники, которые пытаются разузнать у Эвы о содержимом ее дорожной сумки...

Наталья Александрова

Священный крест тамплиеров

© Александрова Н.Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Эва подошла к кассе, достала кошелек, проговорила:

- Воду без газа. Не очень холодную, пожалуйста.

Девушка за стойкой потянулась к шкафу с водой...

И тут начался кошмар.

К Эве подскочила незнакомая женщина – молодая, может быть, немного за тридцать, но растрепанная и разъяренная, как фурия.

- Вот ты где! Думала, я тебя не найду?

Эва удивленно оглянулась на нее:

- Чего вам надо? Вы вообще кто такая?

- Люди добрые! – заверещала незнакомка. – Вы на нее только поглядите! Она меня не знает! Нет, вы только поглядите на эту наглую шлюху! Увела у меня Валерия, а теперь делает вид, что она ни при чем! Ваще не при делах!

Эва смотрела на эту сумасшедшую с изумлением. Она точно видела ее первый раз в жизни, да с такими людьми она вообще не пересекалась. Красное от возбуждения лицо, обесцвеченные волосы торчат, как иглы у дикобраза, яркая раскраска нанесена на лицо до того неаккуратно, что помада попала не на губы, а куда-то в сторону, так что у нее получилось как бы два рта. Один рот яростно кривился и изрыгал проклятия, другой ехидно ухмылялся. Ясно, девка ненормальная. Из психушки сбежала. С такими нужно держаться спокойно, но уверенно.

- Слушайте, вы не ошиблись? – спросила она как можно тверже. – Я вас в первый раз вижу и никакого Валерия не знаю.

- Стерва лущеная! – визжала незнакомка, не слушая Эву. – Селедка сушеная! Зараза недорезанная! Лахудра нечесаная!

«Вот уж чья бы корова мычала... – подумала Эва отстраненно. – Насчет прически это скорее к тебе...»

Но сумасшедшая словно прочитала ее мысли и разошлась пуще прежнего.

– Да я тебе все твои жидкие волосенки выдеру! – визжала она, переходя на ультразвук. – Да я тебе глазенки твои тусклые выцарапаю! Да я тебе ноги твои кривые оторву и задом наперед приделаю!

За свои ноги Эва серьезно обиделась. Ноги были несомненно ее сильной стороной. Это отвлекло ее от здоровой мысли послать девицу подальше и уйти. В самом деле, недосуг ей, времени совсем мало. Однако так получилось, что в узком помещении перед кассой и стойкой кафе никак было девицу не обойти, она загораживала выход.

А фурия не унималась. Она перешла на конкретику.

– Да пока ты не появилась, мы с Валериком жили душа в душу! Он вообще жениться на мне обещал! Люди добрые, вы только посмотрите на нее! Что он в ней нашел? Мыбра полукопченая! Такие на продовольственном рынке идут по трешнице за килограмм!

Эва смотрела на происходящее как бы со стороны, ей не верилось, что это происходит с ней, в наше время, недалеко от большого европейского города... она надеялась, что закроет глаза – и эта фурия исчезнет, испарится... Возможно, сказала усталость от долгой дороги и позднее время, в противном случае Эва не дала бы себя в обиду, не стояла бы окаменевшей женой Лота, слушая гадости.

Вместо того чтобы испариться, фурия перешла к активным боевым действиям. Она схватила Эву за воротник и дернула изо всех сил. Ткань затрещала.

– Да что же это такое... – пробормотала Эва и попыталась сбросить руки сумасшедшей. Она махнула рукой и попала наглой девке по плечу.

Та от этого только еще больше разъярилась.

– Стерва! Дрянь подзаборная! Ты меня еще бить надумала? Ну так ты об этом пожалеешь!

И на лицо Эвы посыпались удары.

До поры ей удавалось уворачиваться, закрываться локтями, и удары не достигали цели, но один все же пришелся в скулу. Эва вскрикнула не столько от боли, сколько от обиды и от раздражения.

Да что же это происходит! И почему никто не вмешается?

Но вмешаться, собственно, было некому – кроме девицы за стойкой, которая смотрела на происходящее с угрюмым равнодушием, в магазине не было ни души. Все остальные немногочисленные покупатели поспешили удалиться, чтобы не попасть под горячую руку.

Хотя нет, не все... по проходу между стойками с товаром к ним приближался молодой долговязый полицейский с недовольным, неприязненным и скучающим лицом.

– Помогите же! Помогите! – обратилась к нему Эва поверх плеча сумасшедшей.

Та перехватила ее взгляд, покосилась на приближающегося полицейского и в ту же секунду перестроилась: отступила, порвала на себе ажурную кофточку и захныкала, размазывая по лицу боевую раскраску:

– Коля, ты только погляди, чего эти городские тут делают! Совсем стыда лишились! Сама у меня Валерика увела и еще драться вздумала! Кофту мне разорвала, а у меня что, деньги на огороде растут, чтобы кофты новые покупать?

Полицейский подошел, с ленивой растяжкой проговорил:

– Лейтенант Черемыкин! Па-прашу документы!

– Коля, какие документы? – всхлипнула недавняя фурия, которая внезапно превратилась в невинную овечку. – Ты же меня сто лет знаешь... мы же с тобой...

– Допустим, гражданка, я вас действительно знаю, – скучным голосом протянул лейтенант.

– Чего это ты гражданкой обзываешься?

– А я вообще не к вам, гражданка, обращаюсь, а вот к этой гражданке! Па-прашу документы!

На этот раз он определенно обращался к Эве.

Эва, которая еще не отошла от безумия предыдущей сцены, торопливо полезла в сумочку, пошарила в ней и дрожащей рукой протянула лейтенанту паспорт.

– Стрижева Ева Эдуардовна... – прочитал тот неторопливо, медленно, почти по слогам, и Эве показалось, что в его голосе прозвучали какие-то неприязненные, издевательские нотки.

– Не Ева – Эва, – привычно поправила она.

– Это что же за имя такое? – покосился на нее лейтенант, и в его глазах мелькнуло неодобрение.

– Эстонское имя, – машинально ответила Эва и тут же пожалела. Но слово – не воробей, вылетело – не поймаешь.

– Эсто-онское? – протянул полицейский и поморщился, как будто раскусил лимон. – Ничего, бывает...

С этими словами он спрятал паспорт Эвы в карман.

– Верните паспорт! – возмутилась она. – Вы не имеете права! На каком основании?..

– А вот мы разберемся, кто тут прав и кто виноват, тогда я его, может быть, и верну!

- Что значит – разберемся? – возмутилась Эва, и тут до нее дошли слова лейтенанта. – Что значит – может быть? Верните мне паспорт немедленно! На меня эта фурия напала, а вы почему-то меня же задерживаете!

Тут она взглянула на часы и поняла, что опаздывает на автобус. До времени, назначенного водителем, оставалась всего одна минута.

- Отдайте паспорт! – вскинулась она в панике. – Мой автобус вот-вот отойдет!

- Не отдавай ей, Коля! – снова подала голос фурия. – Ничего ей не отдавай! Пускай опоздает!

- Ты тут еще будешь! – шикнула на нее Эва.

- Значит, будем составлять протокол... – лениво протянул полицейский и медленно, как во сне, расстегнул квадратную сумку, которая висела у него на плече.

- Какой еще протокол? – переспросила Эва.

- Известно, какой – протокол об административном правонарушении!

И он все так же медленно достал из сумки голубой разграфленный бланк.

- Да это какое-то безумие! – Эва завертела головой, чтобы найти поблизости хоть одного нормального, вменяемого человека. – На меня набросилась эта ненормальная, и меня же в этом обвиняют! Я буду жаловаться...

- Это ваше право! – Лейтенант неторопливо положил бланк на прилавок, неспешно разгладил его и начал медленно выводить, проговаривая каждое слово вслух:

- Гражданка Стрижева Ева...

- Эва! – машинально поправила его Эва.

– Это без разницы! Стрижева Ева Эдуардовна...

Эва поняла, что автобус уходит. Что делать? Этот паразит ни за что не отдаст ей паспорт, небось нарочно тянет, ждет, что она набросится на него, и тогда он с полным правом арестует ее и отвезет в обезьянник. Нарочно издевается, садист!

Эва представила, как она сидит в грязном заплыванном помещении с бомжами и проститутками, и от этой картины на нее накатила ужасная слабость. Она закрыла лицо руками... и вдруг что-то с ней случилось, она внезапно успокоилась. Пусть этот тип пишет все, что хочет, это больше не имеет значения...

– Ой, – услышала она вдруг неуверенный голос, – Коля, а я ведь, кажется, ошиблась. Совсем эта баба на ту и не похожа, что Валерика у меня увела...

Эва опустила руки, взглянула на лейтенанта...

И с изумлением увидела, что никакого лейтенанта нет, он исчез, пока она стояла, закрыв глаза.

Не было и протокола на стойке, не было и взлохмаченной фурии с красным лицом. Эва стояла перед стойкой, и продавщица протягивала ей бутылку:

– Вы просили воду без газа, не холодную. С вас пятьдесят рублей. И вот еще, это ваше? – девица протянула ей паспорт.

– Да... без газа...

Эва машинально расплатилась, взяла воду, сунула паспорт в сумку и вышла из магазинчика.

Что же это было?

Неужели вся эта сцена ей померещилась?

Автобуса на стоянке не было.

Она взглянула на часы.

Время отправления, назначенное водителем, давно прошло.

Прислушавшись к своим ощущениям, она почувствовала саднящую боль в лице, там, куда пришились удары сумасшедшей фурии.

Не померещилось.

Стоянка была пуста. То есть был синий «Фольксваген» у заправки, еще парочка машин, одна полицейская, с мигалкой, этого лейтенанта Черемыкина, надо думать. И все, никакого автобуса. Время позднее, народ уже к дому старается прибиться.

- Подождите! - крикнула Эва. - Подождите меня!

Никто ей не ответил, только задние огни междугородного автобуса мелькнули за поворотом.

- Ну вот, приехали. - Эва ощутила, как все ее существо заполняет холодная ярость.

Казалось, разорвала бы сейчас первого, кто попадется на пути. Уехали! Не стали ждать! А у нее билет, законно, между прочим, купленный. Видели же, что ее место пустует, так хоть бы погудел водитель! Хоть бы кто окликнул!

С другой стороны, у него расписание, предупреждал же водитель, чтобы не опаздывали. Что тут делать-то, на этой заправке, в туалет сходить да чаю выпить или воды. До города уж близко совсем, дома чаю напиться можно. Ага, тут же поняла Эва, получается, кто напьется чаю, а кто и вовсе до дома не доберется.

Ее ярость обратилась на ту мерзкую бабу, которая налетела на нее в магазине. Видите ли, ошиблась она, стерва ненормальная. Если ты психическая, то сиди дома, на людей не бросайся!

Эва развернулась на каблуках и бросилась обратно в стеклянный павильончик.

- Где эта ненормальная? – спросила она девицу за стойкой.

- Кто? – процедила та.

- Ну та баба, которая налетала на меня, скандал устроила!

- Да я-то откуда знаю! – Девица пожала плечами и отвернулась к кофейной машине. – Я посетителей стеречь не нанималась.

Эва бросилась в магазин, пробежала между стойками, никого не нашла, вспомнила, что в руке у нее бутылка с водой. Было такое чувство, что если немедленно она не зальет эту ярость, что клубилась внутри, ее просто разорвет на части. Когда она выпила залпом едва не полбутылки, ее осенило, что нужно обратиться к лейтенанту.

Он – полицейский, может позвонить и задержать автобус, а сам ее подбросит на машине. С мигалкой. В конце концов, он тоже виноват. Если бы не тянул резину и не читал ее паспорт по складам, она бы сейчас ехала в комфортабельном автобусе и спокойно дремала до самого города, вспоминая эту стоянку как страшный сон.

Или вообще не вспоминая.

Эва выскочила из магазина и заглянула в кафе.

- Где полицейский? – спросила она девицу за стойкой, та как раз подавала мужчине стаканчик кофе.

- Понятия не имею! – Девица привычно пожала плечами. – Я за посетителями следить не нанималась!

Очевидно, это была ее коронная фраза, символизировавшая ее отношение к жизни.

- А он уехал, – сказал мужчина, – вот только что.

– Черт! – Эва едва сдержала готовое вырваться ругательство покрепче, увидев, что машины с мигалкой не было на прежнем месте.

Что же теперь делать?

– Тут автобусы какие-нибудь рейсовые бывают? – спросила Эва.

– Бывают, но редко, теперь только завтра утром, в шесть первый пойдет, – бросила девица, как показалось Эве, с необъяснимым злорадством.

Вот что она им всем сделала? За что они с ней так? Хотелось сесть на шаткий пластмассовый стул и рыдать.

Эва тут же сжала зубы и приказала себе не расслабляться, сейчас не время. Загнав слезы вглубь, она прикинула свои возможности. Вещи уехали в автобусе, но сумка с деньгами и документами при ней, с сумкой она никогда не расстается в поездках. Автобусов нет, но можно вызвать такси. Правда, она еще не в черте города, так что придется долго ждать, и денег сдерут немерено, но что же делать.

Эва взялась уже за телефон и тут увидела, что он разрядился. Ну вот, новая напасть. И пока она прикидывала, как выпросить у девицы за стойкой телефон, к ней обратился мужчина, что пил кофе рядом.

– Девушка, могу вас до города подвезти, раз уж вы в такую ситуацию попали, – сказал он.

Эва была женщина современная, а это значит – самостоятельная, неглупая и осторожная. Не вчера родилась, живет в большом городе, часто ездит в командировки – работа такая. И правила безопасного поведения прекрасно знает.

Не хочешь на свою голову приключений – соблюдай правила, и все будет хорошо. Если на своей машине едешь – то не бери попутчиков даже в городе. Ни мужчин, ни женщин, ни стариков.

Эти мошенники и бандиты на все готовы. Прикинутся сухонькой старушкой с клюкой, маленьким мальчиком, беременной женщиной на последних месяцах, а потом и машины лишишься, а может, и головы, это уж как повезет.

Если нужно куда-то добраться, то вызывай такси, в случайную машину не садись, левака не бери, тем более вечером.

Да, правила, конечно, хорошие, но вот что ей делать сейчас? Отказаться от предложения и ждать такси? Так его еще вызвать надо, а девица за стойкой ни за что не даст позвонить. Ишь смотрит чуть ли не с ненавистью, вот что Эва ей-то сделала?

– Спасибо вам, – сказала Эва и подумала, что на сегодня неприятностей ей уже хватило, так что можно надеяться, что этот мужчина окажется приличным человеком.

Эва хотела еще заглянуть в туалет, чтобы привести себя в порядок, но побоялась рисковать. Кто знает, насколько простирается любезность этого водителя, возможно, он не захочет ждать и тоже уедет.

Девица за стойкой проводила их взглядом. Вот почему так получается, что одним – все, как только оказалась в трудной ситуации – так сразу найдется мужчина, который поможет, возьмет на себя ее проблемы. А другим достается только унылое стояние за стойкой придорожного кафе да грубые дальнобойщики и водители, проезжающие с вопящими детьми и их скандальными мамашами.

Нет, нужно срочно увольняться, сил больше нет...

В машине Эва поглядела на себя в маленькое зеркальце и оторопела. Очевидно, водитель «Фольксвагена» просто добрый самаритянин, если взял такое чучело к себе в машину.

Волосы растрепаны, тушь размазана, мало того, на скуле назревает приличный синяк. Пуговицы на вороте оторваны с мясом, так что шею неприятно холодит, да еще и царапины на ней видны от ногтей этой стервы.

Эва кое-как разгребла волосы, вытерла тушь, хотела подкрасить губы, но решила не заморачиваться, лучше все равно не станет.

Она вздохнула и покосилась на водителя. Тот смотрел на дорогу, руки его спокойно лежали на руле. Эве понравилось, что не лез с разговорами, не шутил и не косился на нее насмешливо. Наверно, и правда приличный человек.

- Спасибо вам, - сказала она.

- Пустяки, - не поворачиваясь к ней, ответил он, - я все равно в город еду, так отчего ж не подвезти?

- Мне только до метро, - смущенно заторопилась Эва, - не хочу вас задерживать.

- Пока доедем, метро закроется, - усмехнулся он.

Эва взглянула на часы - без четверти двенадцать. Точно, оттого водитель автобуса и торопился, чтобы его пассажиры на последний поезд метро успели. Ладно, доедем до города - там разберемся.

Эва откинулась на сиденье и стала думать, как действовать ей завтра. Будем надеяться, что до дома она доберется без дальнейших приключений.

Ключи у нее в сумке, документы тоже при ней, деньги есть, она заплатит этому человеку, сколько он скажет. Но, скосив глаза на водителя, Эва подумала, что денег он с нее не возьмет. Отчего-то стало легче на душе.

Что будет с вещами, которые остались в автобусе? Вещи ей непременно вернут, это солидная международная компания, у нее есть билет и страховка. Очень приличный чемодан, дорогой, мягкой коричневой кожи, там вещи - немного, но все хорошие, пиджак новый, в Таллине купила. Еще сумка, что лежала над ее сиденьем в автобусе. Там кое-какие бумаги, но не слишком важные, важные у нее с собой, а еще бабушка Элла отдала альбом с фотографиями. Альбом старинный, обшитый вишневого цвета кожей, с бронзовыми застегками. Тяжеленный - ужас!

Со стороны отца у Эвы не было бабушки, зато со стороны матери целых две. Бабушка Анне и бабушка Элла, родные сестры.

Родная бабушка Анне вышла замуж за русского и переехала с ним в Петербург, тогда еще Ленинград. Ее сестра осталась в Таллине. Бабушка, которую в России переделали в Анну, часто навещала сестру и возила туда свою единственную внучку. Она назвала ее Эвой в честь своей любимой актрисы Эвы Киви.

Бабушка Анне умерла рано от тяжелой болезни. И осталась только бабушка Элла. Своих внуков у нее не было, она любила Эву. Конечно, в последнее время не слишком часто получалось у Эвы ее навещать, все же другая страна, оттого и устроилась она в эту фирму, что там бывают командировки в Таллин.

Бабушка показалась Эве старенькой и очень одинокой. Но держалась бодро, только отдала Эве этот огромный альбом с семейными фотографиями, еще от ее деда остался. Сказала твердо, что все про себя знает, ничего у Эвы не просит, ухаживать за ней есть кому, зато и квартира тем людям отойдет, а Эва пускай сбережет единственную память о семье.

И так посмотрела, что у Эвы язык не повернулся фальшивым голосом утешать ее, что все будет хорошо, все наладится и они еще много раз увидятся.

Нет, если альбом пропадет, она из этих, из автобусной компании, всю душу вытрясет! На них-то жаловаться есть куда. Эва в таких делах разбирается.

Она вспомнила про ту ненормальную, которая налетела на нее в магазине при заправке. На нее жаловаться некому, да и ни к чему, толку не будет.

Вот интересно, если бы этот мент не подоспел, как его... Черемыкин, то Эва бы отбилась своими силами и успела на автобус. А он тут воду мутить начал, документы проверять. Если они с той девкой знакомы, ну да, она же его Колей называла, то он вроде бы должен знать, что она не в себе, зачем же он к ней на помощь явился? А затем, тут же поняла Эва, чтобы денег с Эвы срубить. Начал пугать, паспорт спрятал, на психику давил, в общем.

Да, но тогда отчего он так быстро слинял, когда автобус ушел? Подумал, что Эва начнет скандалить и жаловаться? Да кому? Уж этого он не боится. Ай, да наплевать на них и забыть.

Тут Эва заметила, что машина притормозила и поворачивает.

- Куда это мы? - подумала она.

- Навигатор показывает, что впереди большая авария, - ответил водитель на ее невысказанный вопрос, - придется в объезд, чтобы надолго не застрять.

Эва встревожилась, но сил не было волноваться.

«Будь что будет», - подумала она и неожиданно заснула.

Разбудило ее осторожное покашливание, затем кто-то тронул ее за плечо.

- Приехали, - сказал рядом мужской голос.

- А? Где мы? - Эва спросонья ничего не соображала, не сразу даже поняла, где находится.

- Улица Лиственная, дом какой? - спросил водитель.

- Восемь, - машинально ответила Эва, - третий подъезд, квартира девятнадцать.

- Ну, вот же он, - сказал водитель, притормаживая, - и дом, и подъезд. До квартиры сами дойдете или проводить?

- Не надо, - буркнула Эва, выбираясь из машины, и пошла к подъезду, не оглянувшись.

Выронила ключи и окончательно проснулась, только когда наклонилась за ними. И сообразила, что водитель довез ее до дома, а она его даже не поблагодарила. Оглянулась, но синий «Фольксваген» уже мигнул вдали задними огнями.

Сил не было расстраиваться насчет своего хамства. Человек к ней со всей душой, а она...

Эва неверными руками открыла дверь собственной квартиры и перевела дух. Ну вот, она дома.

В квартире было душновато, так всегда бывает, когда хозяйка в отъезде. Эва распахнула окно в спальне, сбросила одежду и прошла в ванную. Она постояла под душем, отвернулась от зеркала, чтобы не рассматривать лицо и лишний раз не расстраиваться, и повалилась на постель.

И тотчас перед глазами побежали скошенные поля с аккуратно запакованными тюками сена, веселые рощицы, деревенские домики с нарядными палисадниками, яблоневые деревья, увешанные созревающими плодами – все то, что видела она из окна автобуса. Симпатичные ухоженные пейзажи освещались заходящим солнцем, хотелось ехать и бездумно ими любоваться. Эва так и делала наяву. Но во сне все было не так.

Сначала изредка, а потом все чаще по сторонам появлялись вырванные с корнем деревья, разоренные сады, разрушенные дома. Вон яблоня тянет вверх обломанные ветви, вон выжженное мертвое поле. А вот и пожарище на месте хутора, еще недавно он был такой красивый, как на картинке. От дома осталась одна печь, дворовые постройки обуглены, огород вытоптан, забор повален... Ужасное зрелище!

Эва во сне вытянула шею, чтобы разглядеть получше, и увидела возле дома два тела. Это же люди, мертвые люди, а вот кровь, большая темная лужа.

Эва проснулась и села на кровати. Сердце колотилось от ужаса. Что это было? К чему такой сон?

На негнущихся ногах она прошлепала на кухню и напилась воды прямо из чайника. Стало легче.

«Ничего, – подумала она, – просто перенервничала в поездке, вот и приснилось. Нужно выспаться, и все наладится...»

Спала Эва долго, потому что забыла поставить будильник. Проснувшись, она долго пыталась открыть глаза, но ничего не получалось. Было жарко, потому что солнце нашло щелочку в занавесках и светило теперь во все лопатки.

Наконец Эва открыла глаза и зажмурилась от света. Было такое ощущение, что вчера она здорово напилась.

Эва была девушка приличная, строгое бабушкино воспитание не успело еще забыться. «Женщина всегда должна быть на высоте и не давать себе распускаться в любой ситуации», – говорила бабушка. И бабушка была, несомненно, права, Эва неоднократно убеждалась в этом. Эва была от природы сдержанна и серьезна, очевидно, сказывались прибалтийские корни.

Так что мучилась похмельем она за всю жизнь считанные разы. В последний раз это было зимой, когда Светка Милашкина справляла день рождения. Выбрала ресторан и сказала, что будет девичник.

Ресторан оказался жуткой дырой, делать там было совершенно нечего, так что они все страшно напильсь. Ой, как потом Эве было плохо... Примерно как сейчас.

Она полежала немного, затем повернулась на бок и снова открыла глаза. Теперь солнце жарило щеку, ту самую, по которой вчера здорово попало от сумасшедшей мегеры.

От боли Эва очухалась, и тут до нее дошло, что если солнце светит прямо в окно – стало быть, уже очень позднее утро. И кажется, ей нужно на работу. Если сегодня понедельник.

Эва рывком села на кровати и, странное дело, мысли мгновенно пришли в порядок. Ну да, сегодня понедельник, она собиралась вернуться из Таллина в субботу, но задержалась по просьбе бабушки Эллы. А в понедельник в десять утра у них летучка, и она должна предоставить начальнику отчет. И предъявить документы, которых у нее нету, они остались в сумке. Ну подписанный акт у нее есть, хватило ума положить его в свою сумочку, а все остальное даже если и пропадет, можно получить из Таллина по электронной почте.

Эва нашла свои часики и охнула. Они показывали без пяти одиннадцать.

«Семь бед – один обед! – мрачно подумала она. – Вот с обеда и выйду!»

Больше всего времени ушло на то, чтобы замазать назревающий синяк на скуле. Хорошо хоть щека не опухла. Так что когда Эва открыла дверь собственного офиса, она была озабочена только одним: чтобы коллеги дамского пола ничего не заметили, а то сплетен и подколов потом не оберешься.

И первой, кого она увидела, была Светка Милашкина, которая толклась в коридоре возле кофеварки.

Светкина должность называлась офис-менеджер, на самом деле она была обычной секретаршей, но не сидела в приемной у начальства, а выполняла множество мелких обязанностей. Причем, как знали все, выполняла плоховато, поскольку была девица с ленцой. На все замечания и просьбы она только отмахивалась невозмутимо, вывести Светку из себя было невозможно.

– Ну кто из нас без греха? – философски пожимал плечами начальник, когда старая гримза Леонида Павловна жаловалась ему на Светку.

Светка была полная жгучая брюнетка, обожающая яркую одежду и аксессуары. Сегодня на ней было платье, как всегда, слишком обтягивающее пышные формы. По темно-розовому фону там летали колибри. Светка привезла это платье из Турции, где за две недели умудрилась так загореть, что можно было принять ее за мулатку. На руках у Светки было множество браслетов, а в ушах – серьги с эмалевыми тропическими рыбками. Рыбки были в разноцветную полоску, кажется, такие называются рыба-клоун.

– Привет, – сказала Эва и зажмурилась на мгновение, сегодня Светка действовала на нее, как слишком яркий прожектор.

Светка подняла глаза и вдруг широко разинула рот. Лицо ее из загорелого стало вдруг лимонно-желтым, глаза вытаращились, она пыталась что-то сказать, но, очевидно, горло перехватило, так что она только махала руками.

– Светик, ты чего? – искренне встревожилась Эва. – Кофе обожглась, что ли?

– Ва-ва... – сказала Светка и попыталась отступить, но ноги ее категорически не слушались, – ва-ва-ва...

- Да что такое? - Эва подошла ближе. - Милашка, что с тобой? Тебе плохо?

- Отойди от меня! - заорала вдруг Светка. - Не приближайся! - и выставила вперед два пальца, сложенные крестом.

- С ума, что ли, сбрендила? - рассердилась Эва. - В Турции на солнце перегрелась?

- Люди! - орала Светка, не слушая. - Помогите! Уберите ее от меня! Скорее уберите!

На крик выскочили сотрудники и повели себя как-то странно. Вместо того, чтобы унять Светку и призвать ее к порядку, они робко жались к дверям и друг к другу, глядя на Эву с ужасом. Наконец кто-то догадался позвать начальника.

- Так, - сказал он, выйдя в коридор и вытаращившись на Эву. - Так, значит.

- Да что случилось-то? - не выдержала она. - Что у меня - рога или хвост, что вы так тарашитесь?

- А ты ничего не знаешь? - ахнула Леонида Павловна. - Ничего не слышала?

- Так она живая? - ахнула Светка. - А я думала - с того света призрак явился.

- Дура! - в последний момент Эва удержалась и пробормотала это себе под нос.

И прочитала в глазах у начальника, что он думает то же самое.

- Так, - он решил, что настала пора вмешаться, - значит, все идут сейчас на свои рабочие места и занимаются делом. А вы, Стрижева, пойдите ко мне в кабинет.

Начальник всех сотрудников называл исключительно на вы и по фамилии, как в старших классах школы, исключение составляла только Леонида Павловна.

Сотрудники нехотя разошлись, так что в кабинет начальника кроме них просочилась еще Леонида Павловна. Светка сунулась было, но начальник двинул

бровями и велел ей принести минеральной воды похолоднее.

- Итак, - начал начальник непривычно строго, - что случилось?

- Это я вас хочу спросить, - Эва была уже на взводе, - может, хоть вы мне объясните, с чего вдруг такая встреча? Ну опоздала я, потому что вчера поздно вернулась, с приключениями, так и что?

- С приключениями? - ахнула Леонида. - Да ты знаешь, что твой автобус взорвался вчера на семнадцатом километре? Народу погибло - ужас сколько! Мы же думали - ты там была! По всем каналам - и по телевизору, и по радио об этом твердят!

Эва почувствовала, что ей нечем дышать. Вот как будто вдруг выкачали из кабинета начальника весь воздух. И в этом вакууме они находятся все трое. Она видела, как шевелятся тонкие губы Леонида Павловны, а потом очень кстати явившаяся Светка брызнула на нее водой из бутылки.

Стало легче. Эва осторожно вздохнула, выпила воды и спросила хрипло:

- Авария?

- Подозревают теракт, - снова Леонида вылезла вперед начальника, - а нам сообщили, что ты погибла.

- Как это? - Эва соображала с трудом.

- А вот так, - теперь влезла Светка, - место - твое, я же сама тебе билеты заказывала, сумку нашли с документами и труп женский! Ой! - Она закрыла рот рукой и вытаращила глаза.

- Милашкина! - рявкнул наконец опомнившийся начальник. - Выйдите! Выйдите немедленно! И вы, Леонида Павловна, тоже. У нас конфиденциальный разговор будет.

Светка пожала плечами и вышла, покачивая бедрами, отчего казалось, что колибри на платье машут крылышками. Леонида одарила начальника

оскорбленным взглядом и тоже вышла.

- Слушаю вас! - сказал начальник.

- Ну-у... Понимаете, я отстала от автобуса на заправке...

Ужасно неудобно было рассказывать про ненормальную девицу, которая приревновала ее к своему хахалю, поэтому Эва придумала, что ей стало плохо и она задержалась в туалете. А автобус уехал, потому что водитель торопился доставить пассажиров к метро, чтобы те успели на последний поезд.

- Меня подвез случайный водитель, он поехал в объезд, сказал, большая авария на шоссе, а оказалось... - Эва почувствовала, что выпитая вода просится наружу, а заодно и утренний кофе.

- Вот что, Стрижева, - строго сказал начальник, - дело очень серьезное. Если это теракт, а скорей всего так оно и есть, то не просто полиция с этим делом разбираться станет. Это - дело спецслужб. Мне уже дали понять, что все так и есть. Значит, я обязан поставить их в известность, что вы живы-здоровы. А как уж там получилось - можете мне не объяснять, это вы там у них и расскажете. Все в подробностях - отчего задержалась, как получилось, что на вашем месте другая женщина ехала - они все выяснят. Это их работа. Люди-то погибли. Вон, последние сведения, - он кивнул на стоящий в углу телевизор, - пять трупов, да еще сколько раненых. Страшное дело!

Со Светкой столкнулись в туалете.

- Эвка, может, тебе кофейку? - искательно спросила Светка.

- Да отстань ты! - буркнула Эва.

До нее вдруг дошло, что если бы не психованная девица на заправке, ее полусгоревший труп валялся бы сейчас в холодильнике морга. Выходит, нужно той девке в ножки поклониться?

Эва наклонилась к раковине и стала плескать в лицо холодную воду. Светка стояла рядом с бумажным полотенцем.

- Ну у тебя и морда, - сказала она, - похоже, что мужик побил.

- Да отстань ты, наконец! - уныло проговорила Эва, не было сил ругаться.

Впрочем, Светка сказала не со зла. Она мигом смоталась за косметикой и предложила свои услуги. Тем более что встреченный ею в коридоре начальник сказал, что дозвонился кое-куда, сообщил о новом повороте событий и Эву вызывают к трем часам по такому-то адресу, повестку с курьером пришлют прямо в офис.

Нечего было и думать идти в серьезную организацию с такой физиономией, так что Эва отдалась в умелые Светкины руки.

- Много тона не клади, - говорила она, - и губы не так ярко, не на тусовку иду...

- Да не говори под руку, все будет в лучшем виде!

Открылась дверь, и появилась Леонида Павловна.

- И как не стыдно! - накинулась она на них. - У людей несчастье, а они тут красоту наводят!

Светка открыла было рот, чтобы ответить достойно, но Эва ткнула ее кулаком в бок. Леонида поджала тонкие губы, потопталась немного рядом и ушла.

Эва подошла к мрачному зданию из серого камня, открыла тяжелую дверь, вошла в вестибюль. Вестибюль был просторный и внушительный. Эва почувствовала себя маленькой и ничтожной, как муравей, случайно заползший в Пантеон или в Большой зал филармонии. Ко всему прочему, она вспомнила о кое-как замазанных синяках и ссадинах на лице и подумала, как это выглядит со стороны. Хотя Светка старалась, надо отдать ей должное.

Рядом со входом в стеклянной будке сидел охранник. К его будке была прикреплена табличка с грозной надписью:

«Предъявляйте пропуск в открытом виде».

– Пропуск! – продублировал эту табличку охранник. При этом он взглянул на Эву строго и неодобрительно.

«Все ясно! – подумала она. – Наверняка макияж стерся и синяки проступили!»

На улице было ужасно жарко, Эва буквально сварилась в маршрутке.

– У меня нет пропуска! – проговорила Эва дрожащим, неуверенным голосом. – У меня только вот эта повестка! – И она протянула повестку охраннику.

Тот просмотрел какой-то список, сделал в нем пометку и вернул повестку Эве:

– Третий этаж, комната триста восемнадцать.

При этом на лице охранника было неприязненное выражение, мол, моя бы воля, я бы тебя и близко не подпустил.

Эва поднялась на третий этаж, пошла по коридору. Навстречу ей попала какая-то девица, скользнула по Эве равнодушным взглядом – и вдруг в ее глазах равнодушие сменилось удивлением и презрением.

Все ясно, она разглядела синяки на Эвином лице!

Эва замедлила шаги и тут увидела справа дверь с женским силуэтом. Она подумала, что нужно поправить макияж, прежде чем идти к следователю. Ведь первое впечатление – самое главное, а какое впечатление она произведет на него со своей побитой физиономией?

Она толкнула дверь, вошла в туалет. Внутри никого не было, и Эва устремилась к зеркалу.

Да, случилось именно то, чего она боялась! Синяк проступил сквозь слой тональника и расцвел всеми цветами радуги! Немудрено, что охранник так на нее пялился!

Она достала косметичку и принялась замазывать следы того ужасного инцидента на заправке.

И тут за дверью послышались приближающиеся шаги и женские голоса.

Эва испуганно метнулась к свободной кабинке и спряталась в ней.

Она сама не знала, чего так испугалась – может быть, просто не хотела, чтобы ее застали за тем, как она замазывает синяки. Не хотела еще раз увидеть в глазах незнакомых женщин презрение. Но теперь ей оставалось только сидеть тихо, как мышь.

Судя по голосам, в туалет вошли две женщины.

– Моего-то сегодня просто не узна-ать! – говорила одна из них, сильно растягивая слова. – Прямо как будто пра-аздник у него!

– А что так? – отозвалась другая с ленивым интересом, больше чтобы поддержать разговор.

– А у него сегодня допрос главной подозрева-аемой! – тянула первая. – Представля-аешь, оставила в автобусе чемода-ан с бомбой, а сама вышла на автозаправке и была такова!

Эва похолодела.

Оставила в автобусе чемодан... вышла на автозаправке...

Речь явно шла о ней.

– Ну надо же! – лениво отреагировала вторая женщина. Чувствовалось, что ее разговор не слишком интересует.

– Но кусок чемодана сохранился, – продолжала болтушка. – Я видела. Хороший был чемодан. Светло-коричневый, из дорогой кожи...

Коричневый... кожаный... это точно ее чемодан! Хотя у нее не совсем коричневый... Нет, это точно ее чемодан. Так, значит, в нем была бомба? Ужас какой!

Эве захотелось провалиться сквозь землю, сбежать...

Нет, убегать нельзя – тогда ее точно сочтут виновной!

Тут дверь туалета снова хлопнула, и раздался новый голос – строгий, постарше.

– Рыжикова, опять болтаешь? Забыла, где ты работаешь? Забыла, что нельзя обсуждать детали следствия с посторонними?

– Но Татьяна Семеновна, я ничего такого... – забормотала болтушка. – Я ничего не обсуждала... и я не с посторонними... я только с Ириной, а она своя...

– А ты уверена, что здесь больше никого нет?

– Конечно, никого! Вы же видите!

По кафельному полу простучали быстрые, решительные шаги, хлопнула дверь одной кабинки, другой...

Эва инстинктивно вскочила на унитаз и застыла, присев на корточки.

Хлопнула третья дверь, шаги остановились перед четвертой кабинкой – той, в которой затаилась Эва. Неизвестная подергала дверцу...

– Опять замок заедает! Надо будет Константину сказать, чтобы починил! Кажется, и правда, никого нет, но ты смотри, Рыжикова, будешь болтать – вылетишь отсюда в два счета!

Открыли кран, зашумела вода, затем послышался звук отматываемого бумажного полотенца, после чего тяжелые шаги утопали прочь.

– Мымра! – сказала болтушка Рыжикова. – Зараза!

– Строит из себя начальницу, а сама просто завхоз! – поддержала ее вторая женщина. – Но ты с ней поосторожнее, у нее кругом связи...

Дверь туалета закрылась за ними.

Эва выждала еще пять минут и вышла из кабинки. Ноги у нее дрожали. Надо немедленно взять себя в руки, иначе ее арестуют прямо здесь.

Эва подошла к двери, на которой был нужный ей номер, неуверенно постучала. Ничего не произошло, тогда она постучала громче. На этот раз из-за двери донесся приглушенный женский голос:

– Войдите.

Она толкнула дверь и оказалась в узкой комнате без окон, в которой были еще четыре двери. Напротив входа, за столом с компьютером и несколькими телефонами, сидела ярко накрашенная девица с короткой темной стрижкой, которая взглянула на Эву свысока и проговорила, растягивая слова:

– Вы к кому-у?

Эва узнала этот голос. Именно эта девица болтала в туалете со своей подружкой, именно она сказала о том, что на месте взрыва нашли фрагмент коричневого женского чемодана.

– Вы к кому-у? – повторила секретарша, и в ее голосе прозвучало чувство превосходства человека, приближенного к власти, над простыми смертными. То чувство, которое писатель Достоевский называл административным восторгом.

«Ничего, подруга, – подумала Эва, – недолго тебе здесь работать, если ты так болтаешь! Вылетишь отсюда в два счета!»

Конечно, она не выдала своих мыслей ни словом, ни взглядом. Вместо этого, скромно потупив глаза, Эва проговорила:

– К Семибоярову.

– Ах, к Артуру Альбертовичу! Одну минуточку, сейчас я узнаю, свободен ли он.

Девица сняла трубку с одного из телефонов и проговорила:

– Артур Альбертович, к вам тут... – она прикрыла трубку ладонью и тихо спросила Эву:

– Ваша фамилия!

– Стрижева.

– К вам тут гражданка Стрижева. Пропустить?

Выслушав ответ, девица положила трубку на рычаг и снисходительно проговорила:

– Можете войти! – показав глазами на вторую слева дверь. – Артур Альбертович вас ожидает.

Эва толкнула эту дверь и оказалась в небольшом полутемном кабинете. Здесь было окно, задернутое плотной темно-зеленой шторой, отчего все вокруг казалось зеленоватым, как будто Эва оказалась под водой. В детстве Эву водили на оперу Римского-Корсакова «Садко», так вот там, в сцене подводного царства, было такое таинственное зеленоватое освещение. Это впечатление усиливалось оттого, что на столе стояла включенная лампа с зеленым абажуром.

Стол был чистым, на нем лежала только одна раскрытая папка и стоял старомодный телефонный аппарат – не с кнопками, а с наборным диском, в центре которого была закреплена круглая металлическая пластинка с какой-то надписью.

За этим столом сидел человек неопределенного возраста, очень худой и бледный. Кожа его была такого зеленовато-серого оттенка, как будто вся жизнь этого человека протекала под землей, в сыром и темном подвале, и он никогда не видел солнца. Хотя, возможно, все дело было в зеленой шторе и такой же настольной лампе.

– Присаживайтесь, – буркнул хозяин кабинета, указав кивком на единственный стул по другую сторону стола.

Эва села. Теперь, когда она была ближе к столу, она сумела прочесть надпись на телефонном диске.

«Будьте бдительны. Телефон не обеспечивает полную секретность разговора».

Мужчина поднял на нее взгляд, оторвавшись от созерцания папки. Глаза его оказались красными, как у кролика. Эва подумала, что он, должно быть, плохо переносит солнечный свет, оттого и сидит с задернутыми шторами.

– Гражданка Стрижева? – проговорил он бесцветным, невыразительным голосом.

– Да, это я... – ответила Эва.

Хотя взгляд этого человека и сама обстановка его кабинета произвели на нее странное впечатление, так что она теперь ни в чем не была уверена, даже в собственном имени.

Семибояров уставился на папку и некоторое время изучал ее содержимое, затем снова поднял глаза на Эву и проговорил:

– Как же так получилось, гражданка Стрижева?

Эва ждала продолжения, но его не последовало. В кабинете нависло тяжелое молчание, от которого зеленоватый подводный сумрак стал еще гуще.

– Что вы имеете в виду? – спросила Эва, когда это молчание стало невыносимым.

– Я имею в виду, что вы сели в автобус в Таллине, но когда автобус был... э-э... уничтожен, вас в нем не оказалось?

– Ах, вот вы о чем! – Эва вспомнила безобразную сцену на автозаправке, вспомнила ее так ярко, как будто снова ее пережила. Перед ней снова возникло покрасневшее, злобное лицо той фурии, ее idiotские обвинения...

С другой стороны, может быть, именно ей, той сумасшедшей, Эва обязана жизнью. Ведь если бы она не опоздала тогда на автобус, она погибла бы в аварии... или это была не авария, а умышленный, подготовленный кем-то взрыв?

- Вот вы о чем! - повторила Эва и придвинулась ближе к столу. - Понимаете, я вышла из автобуса на автозаправке...

- Зачем? - перебил ее следователь.

- Ну как зачем? Ноги размять, воды купить... в туалет зайти...

- Где?

- Что - где?

- Где была эта автозаправка?

- А! Это рядом с поселком... как же он называется? Берег... или Бережок...

Следователь заглянул в папку и поправил ее:

- Бережки.

- Да, точно, Бережки.

- Это всего в двадцати километрах от Петербурга. Что, вы не могли подождать еще полчаса?

- Ну, знаете! - Эва возмутилась, но быстро взяла себя в руки и проговорила сдержанно: - Автобус же все равно остановился, многие вышли размяться. Дорога долгая, все тело затекло...

- Вы правы, многие вышли - но все потом вернулись и поехали дальше. А вы не вернулись. Почему?

Эва заглянула в красные глаза следователя, точнее, пыталась заглянуть, но - странное дело! - вроде бы он сидел напротив и смотрел прямо на нее, но глаза его странным образом ускользали от ее взгляда. Тем не менее она решила, что нужно рассказать ему правду, все как есть.

– Ну, там произошла такая безобразная сцена! – со вздохом начала она. – Ко мне подскочила какая-то женщина, она стала кричать, будто я отбила у нее мужчину... какого-то Виталика... или Валерика...

– А это не так? – сухо осведомился следователь.

– Конечно, не так! – возмущенно воскликнула Эва. – Как вы могли подумать? Я эту женщину первый раз в жизни видела! Первый и, надеюсь, последний!

– А Виталия или Валерия?

– Тем более! Я вообще никогда в жизни не была в этом Бережке... или Бережках... откуда мне знать какого-то Валерия?

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– Что я не знаю никакого Валерия?

– Нет, что имела место сцена, о которой вы мне сообщили. Конфликт с неизвестной женщиной.

– Ну да, конечно! – Эва оживилась. – Ведь к нам подошел полицейский...

– Полицейский? – В пустых глазах следователя впервые вспыхнул интерес. – Какой полицейский?

– Он представился... назвал свою фамилию... – Эва напрягла память, вспомнила ту сцену в мельчайших деталях. – Ну да, он представился – лейтенант Черемыкин.

– Черемыкин... – задумчиво повторил следователь и сделал какую-то пометку.

– Да, лейтенант Черемыкин! Он подошел, чтобы прекратить конфликт, но та женщина его явно знала, она к нему обратилась по имени. Коля, точно, она назвала его Колей. Тогда он потребовал у меня паспорт. Из-за этого я, собственно, и опоздала на тот автобус.

- Как так?

- А так, что не могла же я уехать без паспорта, а он нарочно тянул, начал оформлять протокол...

- Он его оформил?

- В том-то и дело, что нет! Как только мой автобус уехал, лейтенант сразу потерял ко мне интерес и исчез...

- Что значит исчез?

- Я буквально на секунду отвлеклась, а потом смотрю - его уже нет, и той женщины, которая устроила скандал, тоже нет. Буквально испарилась. И автобус уже уехал.

- Очень странно... - протянул следователь.

- Да вы спросите этого лейтенанта! Он вам все подтвердит!

- Непременно спросим...

Он что-то снова записал, потом быстро взглянул на Эву и задал новый вопрос:

- У вас было с собой много вещей?

- Нет, совсем немного, - лаконично ответила Эва, понимая, что главное - самой не сказать ничего лишнего.

Вспомнив подслушанный разговор, она поняла, что следователь подбирается к главному.

- Но чемодан у вас был?

Вот оно. Его интересует ее чемодан. Теперь нужно быть особенно осторожной. У Эвы было такое чувство, как будто она идет по минному полю и каждый

следующий шаг, каждый следующий ответ может быть роковым.

- Нет, не было. Только сумка.

- Сумка? - Следователь удивленно поднял брови и взглянул на сумочку, которая лежала у Эвы на коленях. - Вот эта самая сумка? И у вас ничего не было, кроме нее?

- Нет, что вы! - Эва держалась спокойно и даже заставила себя чуть заметно улыбнуться. - Нет, конечно! Во-первых, у меня была с собой совсем другая сумочка, но я имею в виду, что кроме маленькой дамской сумки у меня была еще дорожная сумка с вещами. Это все же дальняя поездка, нужно с собой что-то везти...

- Да, нужно... - согласился следователь. - А кстати, какова была цель вашей поездки в Таллин?

- Я ездила туда по работе. Дело в том, что у фирмы, в которой я работаю, есть совместный проект с эстонской компанией, и мне часто приходится...

- Хорошо... об этом мы еще поговорим... - Следователь снова что-то записал и продолжил: - Так что это была за сумка и где она лежала, когда вы вышли из автобуса?

- Обычная дорожная сумка синего цвета, - честно ответила Эва. - Лежала она на полке над моим местом...

Она придерживалась правила говорить правду всегда, когда можно. В таком случае меньше вероятность запутаться в показаниях.

- Вот как? - переспросил следователь. - Значит, синяя дорожная сумка... а в ней был фотоальбом?

- Да, был. Мне отдала его родственница, которая живет в Таллине.

- Родственница? А в вашем досье не указаны родственники за границей.

– Ну да... это двоюродная тетя... точнее, двоюродная бабушка... – Эва начала путаться, чего ее собеседник, по-видимому, и добивался. – Не знаю точно, как это называется, но не думаю, что это считается близким родством, поэтому я не указывала ее в анкетах.

– Понятно... – Следователь сделал еще какую-то пометку. – Значит, вы ездили в Таллин, чтобы навестить свою родственницу?

Эва почувствовала, что следователь пытается запутать ее, заставить противоречить своим прежним словам, и решила, что не попадет на его удочку.

– Я ездила в Таллин по делам фирмы, – ответила она как можно спокойнее, – но заодно, когда у меня освободилось немного времени, навестила свою родственницу. Я ее давно не видела, а когда-то мы были близки...

– Вот как? – переспросил следователь невинным тоном. – А вы только что сказали, что не считаете ее близкой родственницей!

«Ну вот, напоминала же себе – не говорить ничего лишнего! – огорчилась Эва. – Отвечать лаконично, только на заданные конкретные вопросы. Все, что он узнает, он узнает от меня...»

Она не успела ничего ответить, но следователь криво усмехнулся и добавил:

– Впрочем, это не имеет отношения к теме нашей беседы. А теперь я хочу показать вам одну вещь...

Он встал из-за стола, повернулся к Эве спиной, прошел в глубину кабинета. Там стоял громоздкий старый сейф, который Эва раньше не заметила. Следователь закрыл собой замок сейфа, поколдовал над ним, что-то достал и вернулся к столу.

В руках у него был темно-зеленый брезентовый портфель.

Следователь сел за стол, положил портфель перед собой и быстро, пристально взглянул на Эву.

Он явно не спешил, видно, хотел заставить ее понервничать, надеясь, что она станет более разговорчивой.

И Эва действительно почувствовала себя неудобно, как будто в этом портфеле была спрятана ее страшная тайна.

«Да в чем дело? – подумала она раздраженно. – Мне нечего бояться, ведь я ни в чем не виновата...»

Но кто-то проговорил внутри нее противным голоском: «Ага, попробуй объяснить это вот тому типу, что сидит напротив. На него начальство давит, он готов кого угодно в подозреваемые записать, чтобы дело закрыть! Если хочешь из этого кабинета выбраться, не болтай лишнего!»

Наконец следователь торжественно расстегнул защелки портфеля, открыл его и выложил на стол, под яркий свет зеленой лампы его содержимое.

– Вы знаете, что это такое?

На столе перед Эвой лежал кусок мягкой коричневой кожи, заметно обгорелой по краям. С одного края к коже была прикреплена латунная застежка.

Эва порадовалась, что подслушала в туалете разговор болтливых секретарш. Благодаря этому она была подготовлена к тому, что увидит, и не испытала ни испуга, ни удивления.

Ну, или, по крайней мере, сумела никак их не показать.

Она наклонилась над обгорелым куском кожи, долго и внимательно разглядывала его, потом потянулась рукой.

– Нет! – следователь перехватил ее руку. – Вот трогать это нельзя! И так, вы знаете, что это?

– Нет, – Эва пожала плечами. – То есть, я думаю, что это – кусок кожаной сумки или чемодана...

- Но это не ваш чемодан?

- Нет, конечно!

- Вы уверены?

- Естественно.

- Может быть, вы видели, как кто-то из пассажиров автобуса нес такой чемодан или ставил его в грузовое отделение автобуса?

- Нет, не видела. Честно говоря, когда я садилась в автобус, я устала и хотела спать, так что не обращала внимания на других пассажиров и тем более на их багаж.

- А чем так важен этот чемодан? - спросила Эва.

- Вообще-то здесь я задаю вопросы! - Следователь приподнялся над столом и уставился на нее, как кот на испуганную мышь. - Но я отвечу на ваш вопрос, чтобы вы поняли всю серьезность своего положения и всю важность честного ответа на мои вопросы.

Он откинулся на спинку своего кресла и указал пальцем на кусок коричневой кожи:

- Этот фрагмент чемодана найден среди обломков автобуса, оставшихся после взрыва, и на нем обнаружены частицы взрывчатого вещества. То есть у нас есть серьезные основания полагать, что именно в этом чемодане находилось взрывное устройство. Вы по-прежнему настаиваете на том, что у вас не было такого чемодана? Вы понимаете, насколько это серьезно?

- Да, - ответила Эва твердо. - У меня была только дорожная сумка синего цвета, которая лежала над моим сиденьем в салоне. Когда я вышла из автобуса, эта сумка осталась на месте.

- Что ж, так и запишем... - Следователь действительно что-то записал. - Значит, вы утверждаете, что у вас была с собой только дорожная сумка, которая лежала

на багажной полке в салоне автобуса...

- И еще маленькая дамская сумочка с документами. Которая была при мне, когда я вышла из автобуса на автостоянке.

- Да-да... надеюсь, вы понимаете, что несете ответственность за дачу ложных показаний?

- Да...

Эва отвечала твердо и уверенно - но в душе у нее были смятение и растерянность.

Неужели это в ее чемодане оказалась бомба, от которой погибли ее попутчики? Но как она могла попасть в ее чемодан?

Эва уверена, что, когда приехала на таллинский автовокзал, в чемодане не было ничего лишнего, только ее вещи. Она сама поставила чемодан в багажное отделение под днищем автобуса.

Но потом, в дороге, она не следила за чемоданом. Автобус останавливался несколько раз - сначала в Эстонии, потом - на нашей территории. Последний раз - если не считать ту самую остановку в Бережках - в Кингисеппе, где какой-то мужчина поднял шум из-за своего багажа. Дескать, он заранее предупредил водителя, что выходит в Кингисеппе, а тот нарочно его чемодан задвинул в самую даль, так что теперь его не достать. Водитель не остался в долгу, они поругались. Вещи передвигали, доставали, и при этом кто-нибудь вполне мог подложить что-то в ее чемодан... Эва тогда отошла в сторонку, чтобы не слушать скандал, у нее от дальней дороги и без того разболелась голова, хотелось глотнуть свежего воздуха и постоять в тишине.

Сейчас Эва подумала, не рассказать ли все это следователю - но тут же одумалась. Он ей, конечно, не поверит и тут же запишет в подозреваемые. Да он и сейчас считает ее главной подозреваемой.

Эва понимала, что у следователя есть для этого основания.

Хотя бы то, что она единственная из пассажиров не была в автобусе в роковой момент.

- Значит, это был не ваш чемодан? – еще раз спросил следователь, сверля Эву взглядом.

- Нет, не мой! – повторила она, стараясь, чтобы ее голос не дрожал и глаза не бегали.

- Так и запишем! – Он действительно что-то записал.

- У вас есть еще вопросы? – проговорила Эва, удивляясь собственной дерзости. – А то мне на работу нужно.

- Это я буду решать, когда закончится наш... разговор. Впрочем, для первого раза и правда достаточно. Мы проверим ваши показания и потом обязательно еще раз встретимся.

В этих словах отчетливо прозвучала угроза – и в обещании новой неизбежной встречи, и в многозначительном местоимении «мы», которое давало Эве понять, что она имеет дело не с одним следователем, а с огромной, всесильной организацией, так что у нее нет никаких шансов выйти победителем из этого единоборства.

Тем не менее Эва поняла, что допрос подходит к концу, и вздохнула с облегчением. Кажется, она, по крайней мере, на этот раз не сказала ничего лишнего...

- А могу я спросить, – неуверенно начала Эва.

Она хотела узнать, сколько же было жертв, но следователь остановил ее властным движением руки:

- Постойте, это еще не все!

- Но вы сказали...

- Осталась еще одна маленькая формальность.

Он выдвинул ящик стола и достал оттуда плоскую пластиковую коробку, открыл ее. Оказалось, что это не коробка, а какое-то электронное устройство, внутри которого был плоский, тускло светящийся сенсорный экран.

- Приложите к этому экрану большой палец! - потребовал следователь.

- Это что - прибор для снятия отпечатков? - догадалась Эва.

- Верно, - кивнул мужчина.

Эва видела в старых фильмах, как прежде снимали отпечатки пальцев - мазали подушечки каким-то черным порошком и потом прижимали их к бумаге. После этой процедуры руки были испачканы, и требовалось много усилий, чтобы их отмыть. Видимо, с тех пор техника и в этом направлении сделала большой шаг вперед.

Эва прижала палец к экрану. В какой-то момент следователь чертыхнулся и попросил ее повторить - видимо, прибор не сработал как нужно. Старый-то способ был куда надежнее, работал без осечек...

Наконец процедура была закончена, следователь подписал повестку и отпустил Эву.

В приемной секретарша Рыжикова взглянула на нее с удивлением - она-то думала небось, что Эву выведут сейчас в наручниках, и предвкушала, как будет рассказывать об этом приятельницам в туалете. Эва насмешливо взглянула на секретаршу - при ее неумении держать язык за зубами вряд ли она долго здесь проработает!

Она показала подписанный пропуск нелюбезному дежурному и вышла на улицу.

Шел дождь, и Эва расстроилась, потому что не взяла с собой зонтик. Мимо проносились машины, и каждая вторая старалась окатить ее грязной водой. Эва вспомнила, что ее собственная машина все еще в ремонте.

Проклятие, ведь обещали же ей перед командировкой все закончить! И вот не звонят, ни слуху от них, ни духу.

Эва полезла было в сумку за мобильником, чтобы устроить этому автосервису грандиозный скандал, но поняла, что у нее совершенно нет сил. Голову сдавило, как обручем, в ушах застучали тысячи молоточков, все вокруг внезапно потеряло четкость. Она пошатнулась и оперлась о стену. И тут заметила камеру, которая висела над дверью.

Так, хорошо бы отсюда поскорее уйти, не маячить перед камерой. Кто их знает, может, обитателям этого здания покажется подозрительным, что она задержалась.

Эва стиснула зубы и приказала себе идти. Прямо, не шатаясь и не сворачивая. Никто ей на помощь не прибежит, надо самой добраться до какого-нибудь места, где можно посидеть и прийти в себя. Ничего с ней такого нету, это просто от стресса и от голода, с утра ничего не ела. Да и утром-то выпила чашку кофе с сухариком.

Дождь стал слабее, теперь только мелкие холодные капли падали с хмурого неба.

«Не сахарная, не растаешь!» – говорила в таких случаях бабушка Элла.

Эва шла, не обращая внимания на дождь, выискивая глазами вывеску кафе. Как назло, не попадалось ничего приемлемого. От свежего сырого воздуха стало легче, голову больше не стискивал железный обруч. Зато набежали мысли. Мысли были тревожные и безрадостные.

Что-то с ней происходит. И хорошо бы понять, что именно, пока эти, из очень серьезной организации, не навесили на нее участие в террористическом акте. Да запросто, дело-то вон какое громкое. Люди погибли...

Эва остановилась у витрины какого-то магазина. Вот именно, ее считают подозреваемой, а она понятия не имеет, что все-таки произошло. Все вокруг все знают, вон Леонида Павловна полностью в курсе, а она даже не удосужилась телевизор поглядеть! Да хоть в телефоне новости почитать!

Сколько человек погибло, кто выжил, кто ранен, это же важно!

И почему, черт возьми, бомба оказалась в ее чемодане? Ну, допустим, это случайность, засунули на остановке в Кингисеппе в первый попавшийся чемодан. Точно, они могли это сделать только в Кингисеппе, потому что на границе довольно строгий досмотр, собаки ходят натренированные, обнюхивают багаж.

Так, что у нее было в чемодане такого, что укажет на нее? Обычные женские шмотки, одежда, пара босоножек. Ах да, пиджак новый, с чеком, по которому ее можно вычислить, она же карточкой платила. Ну, будем надеяться, что он сгорел. Судя по тому, что следователь показал ей кусок кожи, чемодан разнесло в клочья. А вдруг кто-то из пассажиров вспомнит, что она была с чемоданом? Это вряд ли, тут же поняла Эва, после такого ужаса человек и про свои-то вещи не вспомнит.

Тут она подумала о камерах. Есть же они везде. Ну не везде, но на автовокзале точно есть. И на заправках. С другой стороны, когда она уезжала три дня назад, селились в автобус прямо на улице, не было там никакой камеры. А вот в Таллине вполне могла быть, ну пока наши с эстонцами договорятся, время пройдет.

Эва осознала себя стоящей у витрины. Дождь кончился, и она решила пройти до торгового центра, там уж точно есть кафе.

И тут рядом возник парень. Не то чтобы очень молодой, но вид у него был какой-то несолидный. Подстрижен плохо, одет очень скромно, а самое главное – на шее у него висел фотоаппарат.

– Привет! – сказал он. – Можно тебя на пару слов?

Эва мгновенно напряглась. Не хватало ей еще папарацци! Еще бы – такая сенсация – террористический акт! Им плевать, что люди погибли, лишь бы что-то новенькое напечатать.

– Отвали, – процедила она сквозь зубы и отвернулась.

– Да ладно тебе. – Он нацелился на нее фотоаппаратом. – Я же знаю, что ты в том автобусе ехала, мне только снимок и несколько слов!

– Отвали! – Эва хотела уйти, но парень очень ловко оказался на ее пути. Тогда она двинула его локтем и быстро пошла по улице. Он догнал ее и пошел рядом.

– Слушай, ну я же ничего плохого не хотел, – примирительно сказал он, – это же работа моя – новости освещать.

Эва молча шла к торговому центру, надеясь на то, что на крайний случай скроется там в туалете. Ну, не будет же папарацци ее возле двери сторожить. Можно к охране обратиться, если что. Или в толпе покупателей затеряться.

Вот показались впереди вертящиеся двери торгового центра.

– Слушай, за информацию можно и денег получить! – сказал парень и взял Эву за локоть.

– Да отстань ты! – Она пнула его под коленку, но он успел-таки щелкнуть фотоаппаратом.

– Вот не хотела по-хорошему, – сказал он, – так теперь такой чувырлой получишься!

И тут по бокам парня возникли двое мужчин, удивительно похожих друг на друга. Они были в одинаковых темных костюмах и белых рубашках, только у одного галстук был синий, а у другого – серый. Волосы тоже были разного оттенка, у одного более светлые, у второго – потемнее, зато стрижки совершенно одинаковые. Оба мужчины синхронно взяли парня под локти и едва не оторвали от земли.

– Э, ребята, вы чего? – забеспокоился парень.

– Ты сейчас отойдешь от девушки и пойдешь куда подальше, – сказал тот, у кого был синий галстук. Сказал он это без всякого выражения, смотря перед собой совершенно оловянными глазами.

- Быстро пойдешь и забудешь, что ее видел, - поддакнул серый галстук.

- Нет, а что такого? - возмутился парень. - Что я сделал-то? И вы вообще кто такие, чтобы мне приказы отдавать? Я, между прочим, пресса! Четвертая власть!

- Пресса? - в голосе синего галстука проявилось какое-то выражение, а именно - презрение. В это время его напарник сорвал с шеи парня фотоаппарат и бросил его на асфальт.

- Эй, ты что? Он же дорогой! - закричал парень и рванулся из рук тех двоих. Не успел, потому что синий галстук с размаху наступил на фотоаппарат ногой. Послышался треск.

- Ох ты! - Парень присел на асфальт. - Я же сколько работать должен... Ну вы и сволочи... Гады ползучие! - Он плюнул на ботинок того, кто был ближе, кажется, того, в синем галстуке.

- Ах ты! - Тот с размаху ударил ногой парня в челюсть.

Парень беззвучно упал на спину.

- Да что же это? - опомнилась Эва и крикнула толстому охраннику, который пялился на них сквозь стеклянные двери торгового центра. - Человека убивают, вызывай полицию!

Двое мужчин в одинаковых темных костюмах развернулись и неторопливо пошли прочь. Эва подбежала к лежащему парню, ей показалось, что он мертв.

«Этого еще не хватало!» - в страхе подумала она и ужасно обрадовалась, когда он пошевелился и открыл глаза.

- Эй, ты как?

Парень приподнялся, уцепившись за ее руку, потом сел и закрутил головой.

- Что это было?

- В морду тебе дали, - подсказала Эва, - ботинком.

- Ну, сволочь, попомнит он у меня! - Парень ощупал лицо. - Запросто мог челюсть сломать!

- Эй, вы там как, оклемались? - крикнул толстый охранник. - Тогда хорошо перед дверью валяться, всех посетителей распугаете!

Парень со стоном поднялся, опираясь на Эву.

- Мне бы в себя прийти, отдышаться... - вздохнул он, - голова кружится.

- Пойдем! - Она показала на вывеску кафе, которое находилось тут же, в торговом центре.

Охранник смотрел недовольно, но ничего не сказал. Остатки фотоаппарата валялись на асфальте.

Они уселись в кафе за самый дальний столик. Парень принял от Эвы влажную салфетку и обтер лицо.

- Извини, - сказал он, - извини, что так вышло. Я и не думал... не ожидал...

- Кто эти люди? - удивлялась Эва - Чего они от тебя хотели?

- А ты не поняла? - Парень смотрел с легкой насмешкой. - Они же тебя пасут.

- Ты думаешь, они оттуда? - удивилась Эва.

- А откуда же еще? Ты вышла, они - за тобой, я видел.

Эва молчала, пораженная. Так вот почему следователь отпустил ее так легко! Он приставил к ней хвост. Точнее, два хвоста. И она, Эва, была такой идиоткой, что не заметила этих двоих, да их и слепой заметил бы!

– Слушай, давай знакомиться, – сказал парень, принимая из рук официантки большую чашку кофе и тарелку с омлетом. – Меня Федя зовут, а про тебя я знаю, ты Эва.

– Что еще ты про меня знаешь? – нахмурилась Эва. – И откуда, интересно?

– Ну, у нас, журналистов, свои источники информации, – уклончиво ответил Федор. – Я знаю, что ты в том автобусе ехала, а на заправке отстала. То есть повезло тебе, если честно. Если бы не отстала, то сейчас бы в морге находилась, обгоревшая вся, как головешка.

– Зачем ты такое говоришь? – Эву передернуло.

– Затем, что вместо тебя человек погиб!

– Не поняла... – Эва отставила чашку, – объясни.

– Да это я так... – Федя смутился. – Источник мой сказал, что на твоём месте какая-то женщина сидела, ее поначалу за тебя приняли.

– Точно, – Эва вспомнила, как все сотрудники всполошились, когда она явилась на работу, как Светка Милашкина кричала «Сгинь!» и складывала из пальцев крест. – А что ты еще про это дело знаешь?

Эве пришло в голову, что этот Федя может принести пользу. Может, и не врет он про свои источники, и она может у него что-то узнать. Но надо с ним быть поосторожнее, лишнего не болтать.

– Федя, – Эва ласково ему улыбнулась, – вижу, что человек ты осведомленный, так расскажи, я ведь тебе не конкурент.

– Ну, все считают, что это теракт, – неохотно начал Федор, поддавшись на грубую лесть, – однако пока никакая организация о себе не заявила и ответственность на себя не взяла. Эксперты пока своего мнения не высказывали, работают, землю носом роют, но... вот ты на каком месте сидела?

– Сзади, на предпоследнем справа. За мной дверь, а потом еще сиденье, там никого не было. Я специально сзади место попросила, потому что обычно никто там сидеть не хочет, и место рядом со мной было свободно. А что?

– В общем... взрывчатка была в чем-то чемодане, – Федор наклонился к чашке и не видел, как у Эвы блеснули глаза – стало быть, он не знает, что чемодан-то был ее. – Я поспрашивал специалистов, говорят, что взрыв был направленный. То есть так получается, если взрывчатку заложить в самом конце багажного отделения.

«Точно, мой чемодан передвинули на остановке в Кингисеппе!» – сообразила Эва.

– Когда взорвалось, автобус съехал в кювет и перевернулся как раз на ту сторону, где двери, – бормотал Федор, – водитель пристегнут был, ничего с ним не случилось. Он не растерялся, окно выбил, и пассажиров через кабину выводил. Кого-то ранило, кто-то сознание потерял, кто-то руки-ноги сломал, но все живы. Кроме пяти человек, у этих шансов не было. Там всего мест было восемь, что сзади, но заняты пять.

– Точно, напротив муж с женой сидели, она противная такая, все время его пилила... – вспомнила Эва, – а дальше я уж и не помню кто.

– Как-то мне стремно. – Федор поглядел на Эву поверх чашки, и глаза его были грустными. – Может, это и не теракт вовсе, а просто заказное убийство?

– Что, целый автобус заказали? – хмыкнула Эва.

– Да говорят же тебе, что восемь мест были самые опасные! – Федор повысил голос и тут же оглянулся по сторонам.

– Не кричи, – цыкнула Эва, – вообще, тебе чего от меня надо? Только честно!

– Да и сам не знаю, – вздохнул он, – думал, может, ты что вспомнишь, чтобы это дело как-то прояснить. Потому как эти, – он мотнул головой в сторону здания серьезной организации, – ничего ведь не выяснят. Спишут на теракт, найдут какого-нибудь бедолагу...

«Уже нашли, – подумала Эва, – меня...»

А ведь, пожалуй, этот Федя прав. Мыслит разумно. И хочет сам это дело расследовать, чтобы эксклюзив получить и прославиться. И он может быть ей полезен. Потому что если выяснится, что взрыв вовсе не теракт, а заказное убийство, то эти, из организации, от нее отстанут. Будут искать заказчика, скорее всего не найдут, но все-таки...

– Ты молодец, толковый парень, – сказала Эва и погладила Федю по руке, – давай не терять связь. Обменяемся телефонами, как что узнаем – сразу друг другу сообщим. Я постараюсь вспомнить своих попутчиков, ты же выяснишь их имена и координаты. И еще про ту женщину, что на моем месте сидела. Кто она такая?

– Ладно. – Федор отвернулся, подзывая официантку.

Несмотря на его протесты, Эва положила на стол деньги и поскорее ушла.

На работу ехать не имело смысла, рабочий день кончился. По дороге домой она так интенсивно думала, что заболела голова. Этот Федя вроде бы не врет, а с другой стороны, какой-то он простоватый. Выболтал ей все, что знал, а взамен ничего не получил.

Эва не собирается ни с кем откровенничать. Тем более с журналистом. Пускай он ищет имена этих пяти погибших, а она займется другим. Ей нужно найти ту девку, что налетела на нее на заправке, а лучше – лейтенанта Черемыкина. Хоть следователь и записал его фамилию, вряд ли он станет его искать. Во всяком случае, торопиться не будет. А как придут к нему записи с камер, да как увидит он на них Эву с коричневым чемоданом – так и все, собирайте теплые вещи, сушите сухари. Никакой Черемыкин не поможет.

Утром Эва позвонила в автосервис и не успела начать ругаться, как ей сообщили, что машина давно готова и чтобы Эва немедленно ее забирала, они даром держать ее в гараже не согласны. Эва позвонила начальнику и наврала, что ее снова вызывают на допрос прямо с утра и она выйдет с обеда. Начальник не посмел возразить.

Эва забрала машину из сервиса и решила поехать на двадцатый километр, на ту заправку, с посещения которой и начались все ее неприятности.

В просторной монастырской трапезной было шумно и многолюдно. За верхним столом, стоявшим на почетном возвышении, в дальнем от входа конце зала, сидел настоятель монастыря отец Огюст. По правую руку от него расположился почетный гость – знатный рыцарь из влиятельного и богатого ордена тамплиеров Жиль де Леннуа, который третий день гостил в монастыре. Прочие места за верхним столом занимали важные священнослужители и дворяне из свиты тамплиера, за нижним столом сидели простые монахи и слуги рыцаря. Аббат был одет в традиционное для ордена францисканцев одеяние простого, скромного покроя, с откинутым капюшоном, однако этот монашеский плащ был сшит из дорогого фламандского сукна, а на шее монаха красовалось резное распятие из слоновой кости. По всему было видно, что он не ограничивает себя свойственными для его ордена аскетическими правилами.

Тамплиер был одет куда более пышно.

Устав его ордена не ограничивал своих членов почти ни в чем, и хотя официально они назывались «бедными рыцарями Храма Господня», в действительности тамплиеры окружали себя всей доступной роскошью. Жиль де Леннуа был облачен в кафтан из алого сукна тончайшей выделки. Поверх этого кафтана был накинут короткий голубой плащ, по которому были вышиты серебром цветы из райского сада. Только нашитый на плечо алый крест говорил о его принадлежности к ордену.

Орден тамплиеров был основан в двенадцатом веке несколькими христианскими рыцарями, которые поставили своей задачей защиту паломников, прибывавших в Палестину, дабы поклониться святыням Иерусалима, Вифлеема и прочих мест, где прошли трагические и величественные события, описанные в Новом Завете.

Доблестные рыцари защищали паломников от разбойников и жестоких иноверцев, не требуя за это никакой платы – они считали, что доблесть и добродетель и есть плата за благие дела. Они считали также, что истинному христианину приличествует бедность, и даже избрали своим гербом изображение двух рыцарей, едущих на одном коне.

Его Святейшество папа, узнав о замысле добродетельных рыцарей, благословил их благородный почин и учредил новый орден, который получил название ордена Бедных рыцарей Храма Господнего, или коротко – тамплиеров.

Поскольку новый орден пользовался покровительством самого папы, его влияние чрезвычайно выросло, число рыцарей и слуг ордена стремительно умножалось, и вскоре орден тамплиеров превратился в большую и влиятельную силу.

Тамплиеры более не ограничивались защитой паломников. Теперь они помогали христианским правителям в сражениях с иноверцами, а то и друг с другом, не гнушаясь при этом брать с них плату за эту помощь.

Первоначальный завет бедности был забыт, и со временем в хранилищах ордена скопились немалые богатства.

Вскоре кому-то из руководителей ордена пришла в голову гениальная идея, которой суждено было на многие столетия пережить сам орден и даже изменить мировую экономику.

Отправляясь в Святую Землю, паломники брали с собой деньги на дорожные расходы. Неудивительно, что эти деньги привлекали воров и разбойников, делая паломничество еще более опасным. И тут тамплиеры предложили свои услуги.

Перед тем как отправиться в путь, паломник мог отдать свои деньги представителю ордена в Марселе, или в Генуе, или в Мюнхене, или в любом другом крупном европейском городе. В обмен на деньги тамплиеры выдавали паломнику особым образом составленную расписку. Добравшись до Святой Земли, паломник обращался к тамплиерам в Иерусалиме, Акре или другом городе и в обмен на расписку получал обратно свои деньги – за вычетом некоторого процента за услуги. Таким образом, путешествие становилось безопаснее, а деньги – целее.

Но паломники – люди по большей части небогатые, а ведь были и купцы, которые вели дела с Востоком и которым также нужно было безопасно доставлять туда свои деньги. И они тоже стали обращаться к тамплиерам.

В общем, тамплиеры первые додумались до идеи перевода безналичных денег и фактически создали первый банк Европы.

Богатства ордена росли. Тамплиеры занимались теперь не только и не столько защитой паломников или даже военными действиями – главным их занятием стали финансовые операции. Они предоставляли займы торговцам и феодалам, и даже суверенным правителям – королям, герцогам и прочим владыкам, временно оказавшимся на мели. Даже влиятельнейшему королю Франции и Его Святейшеству папе.

Занятие это было прибыльное, но рискованное – могущественному должнику может прийти в голову идея, что расправиться с кредитором проще и выгоднее, чем отдавать ему долги...

Трапеза была в полном разгаре. Отец настоятель пил дорогое кипрское вино большими бокалами, и лицо его покраснелось. Не оставлял он своим вниманием и изысканные кушанья – жирных пулярок, бургундских улиток, паштет из гусиной печени и прочие деликатесы. Тамплиер был более сдержан. Несмотря на выпитое вино, на его длинном, покрытом шрамами лице сохранялось озабоченное и утомленное выражение.

Вдруг в трапезную вошел молодой прислужник. Он подошел к верхнему столу, поклонился аббату и проговорил:

– Позвольте известить вас, святой отец, вашего гостеприимства просит еще один путник со свитой. Он стоит возле ворот монастыря и ждет вашего ответа.

– Кто таков? – осведомился аббат, взглянув на прислужника через зеленоватое стекло бокала.

– Милорд де Треси, королевский комиссар! – доложил служитель.

При этих словах лицо тамплиера помрачнело пуще прежнего. Аббат же оживился и воскликнул:

– Проси! Проси милорда де Треси разделить нашу скромную трапезу и передай отцу Жильберу, что я прошу как следует принять его спутников.

– Слушаюсь, святой отец!

Прислужник вернулся к воротам.

Тяжелые дубовые створки отворились, и в монастырский двор въехал высокий сухощавый рыцарь в дорожных доспехах, на которые был накинут черный плащ. За ним последовали еще два десятка всадников – все в доспехах и при оружии.

Гости спешили. Монахи под руководством монастырского кастеляна отца Жильбера отвели их коней в конюшни, гостей же проводили в трапезную.

Войдя в ярко освещенный зал, королевский комиссар подошел к аббату, сдержанно поклонился и проговорил:

– Простите, святой отец, что я со своими спутниками прервал вашу трапезу, но вынужден просить вашего гостеприимства, ибо прибыл к вам по приказу его величества.

– Всегда рад принять у себя слуг милорда короля! – вежливо ответил ему аббат. – Прошу вас, садитесь рядом со мной и разделите наш скромный ужин.

Сотрапезники аббата передвинулись, освободив для королевского комиссара место по левую руку от отца Огюста.

Трапеза потекла своим чередом, и только тамплиер стал еще более хмур и немногословен.

Наконец трапеза завершилась. Тамплиер первым покинул зал, извинившись перед настоятелем и сославшись на боль в старых ранах, полученных им в Святой Земле. Вслед за ним и остальные гости разошлись по отведенным им покоем.

На стоянке перед заправкой машин было немного – пара грузовых фур, «Газель» и несколько легковушек.

За стойкой стоял симпатичный парень с голубыми глазами и светлыми вьющимися волосами.

Ну вот, уже прокол! Эва надеялась увидеть ту вредную девицу, которая работала здесь в роковой день... Неужели это было только позавчера?

- Чем помочь? - проговорил парень, заметив растерянность на ее лице.

И улыбнулся поощрительно - мол, говори, не стесняйся!

Улыбка у него была очень приятная.

- А здесь раньше работала девушка... - неуверенно протянула Эва.

- Вообще-то здесь я работаю...

- Такая... волосы рыжеватые, короткие...

- Так это вы, наверное, про Кристину. Она меня заменяла, пока я в отпуске был. А когда я вернулся, она уволилась с понедельника и вообще отсюда уехала. Кажется, в Челябинск. У нее там парень знакомый.

- Ничего себе! - Эва не смогла сдержать разочарованный возглас. - Это какая же даль!

- А вообще, зачем она тебе нужна? - парень незаметно перешел на «ты».

Эва тяжело вздохнула и решила озвучить заранее подготовленную историю.

- Представляешь, я была здесь позавчера, и прямо тут, вот на этом самом месте, на меня налетела какая-то ненормальная. Стала кричать, что я у нее парня отбила, полезла драться, чуть глаза не выцарапала, вот до сих пор на лице синяк остался...

Эва заметила в глазах парня недоверие и повернулась щекой к свету, так что синяк проступил сквозь слой тонального крема.

- Вот, видишь?

Тот кивнул.

- Но все же, зачем тебе Кристина?

- Ох! Придется все тебе рассказать... - И Эва с твердой почвы фактов ступила на зыбкое болото вымысла. - Представляешь, - начала она, - я замуж собралась...

- Поздравляю!

- Да не с чем поздравлять! Мой парень - в смысле жених - хотел меня со своей мамой познакомить. Как раз в тот день мы с ней должны были встретиться. А тут такое дело. У меня лицо в синяках и настроение соответствующее. Я Олегу - это жениха моего зовут Олегом - рассказала всю эту историю, все как есть. Ну, он вроде поверил, нормально все принял. Даже посмеялись вместе - каких только психов на свете не бывает! Такое нарочно не придумает! Я ему и говорю - может, не нужно с твоей мамой сегодня встречаться, не хотелось бы предстать перед ней с побитой рожей. Все же первое впечатление - самое главное. Свекровь, невестка - дело трудное, везде про это пишут и по телевизору даже показывают.

А он мне - нет, мама тебя уже ждет, нельзя откладывать, ты ей все расскажи, как есть, она женщина умная и все поймет. Самое главное - ничего не выдумывай, все честно расскажи, как мне. Потому что главное в отношениях между людьми - это доверие. Ну, я и согласилась. Не сразу, конечно, но согласилась.

- Зря! - парень покачал головой.

- Да теперь понимаю, что зря! - вздохнула Эва. - Но тогда Алик сумел меня убедить...

- Алик? - переспросил парень. - Ты же говорила, что его зовут Олег!

- Ну да, Олег! - Эва ничуть не смутилась. - А уменьшительное - Алик... по всякому можно называть, он говорил, у него до меня была девушка, так она его Олешиком называла. Олешик, Олешик, Олененочек... Так ему нравилось, пока не сообразил, что олень-то с рогами! В общем, скандал у них вышел, поругались

на смерть, а вроде бы жениться собирались...

Тут Эва ничего не придумала, точно такая история произошла в прошлом году со Светкой Милашкиной, в коллективе ее широко обсуждали.

– Слушай, ты переходи уже ближе к делу, – посоветовал Эве парень за стойкой, ставя перед ней чашку кофе.

– Ну да. В общем, запудрила я синяки, приехали мы с Аликом к его маме, а у той глаз-алмаз, сразу все заметила. И так, знаешь, губы поджала и спрашивает: «Что это у тебя, милочка? С лестницы свалилась?»

Я с Аликом переглянулась и все ей честно выложила. Она меня выслушала, а потом Алику и говорит:

– Извини, дорогой, можно тебя на два слова?

Я чувствую, дело плохо, но что поделаешь? Алик с мамашей уединился, потом возвращается и говорит:

– Извини, но нашу свадьбу стоит отложить.

Как так? Почему?

А он в ответ – мне мама открыла глаза. Я тебе, как дурак, поверил, потому что чувства к тебе затмили мой разум... ты мне навешала лапшу на уши... сочинила совершенно неправдоподобную историю... дыма без огня не бывает... наверняка у тебя была связь с этим Валерием...

В общем, чувствую, что говорит он мамочкиными словами. Она за пять минут сумела его против меня настроить.

Говорю ему – как ты можешь? Да я вообще в том поселке никогда в жизни не бывала и Валерия этого в глаза не видела!

Но вижу – он мне не верит... так что накрылась моя свадьба медным тазом. А я уже и подруг всех пригласила...

- Сочувствую! Насчет подруг – это ты поспешила.

- Да, может, и не стоит сочувствовать. Если он так легко в это поверил – как с ним всю жизнь прожить? Опять же мамаша его все равно свадьбы не допустила бы. Мне потом рассказали, что и с той девчонкой, что передо мной была, его мама развела. Насчет оленя и рогов она все придумала, сам бы он ни за что не сообразил.

- Тогда чего же ты хочешь?

- А я решила найти ту девицу и заставить ее взять свои слова назад. В присутствии Алика. А еще лучше – не ее, а полицейского, который нас разнимал. Чтобы он рассказал Алику, как все было. Полицейскому Алик скорее поверит.

- Так ты же говоришь, что раздумала за него замуж выходить.

- Раздумала или не раздумала, а только пусть он увидит, как на мой счет ошибался! Пусть поймет! И мамаше своей передаст!

История, конечно, была шита белыми нитками, логика отсутствовала, но Эвин собеседник, похоже, поверил. Ну что взять с натуральной блондинки?

- Постой, ты сказала про полицейского, который вас разнимал, – сообразил он. – Это что за полицейский? Я тут всех знаю.

- Лейтенант Черемыкин.

- Черемыкин? – Парень удивленно поднял брови. – Ты ничего не путаешь?

- Нет, конечно! Я все, что в тот день случилось, на всю жизнь запомнила. И лейтенанта этого. Он подошел и представился – лейтенант Черемыкин.

- Странно! Здесь у нас такого лейтенанта нет. Есть Вася Столбов, мы с ним в школе вместе учились, есть Толик Васильев, а Черемыкина никогда не было.

- Точно говорю - лейтенант Черемыкин. Он сперва хотел протокол составить, а потом передумал, сел в машину и укатил.

- В машину? - переспросил парень.

- Ну да. Вот там его машина стояла... милицейская машина, с мигалкой...

- Вот как... а ведь там видеокамера стоит, так что я могу посмотреть запись за тот день. Если здесь действительно стояла милицейская машина - она должна попасть на запись. Когда, ты говоришь, вся эта история случилась?

Эва назвала дату происшествия, которое сломало привычное течение ее жизни. Парень повернулся к стойке с монитором, на который выводилось изображение с нескольких камер, пощелкал кнопками и наклонился над экраном.

- Вот запись за тот день...

Эва обошла стойку, встала рядом с ним и стала следить за быстро меняющимся изображением.

Наконец, на экране мелькнула машина с мигалкой на крыше.

- Вот, вот она! Прокрути назад!

Парень вернул изображение назад и пустил снова, на этот раз гораздо медленнее.

Теперь на экране была четко видна полицейская машина, удалось разглядеть даже ее номер.

- Интере-есно... - протянул парень, и достал из кармана мобильный телефон.

Он набрал номер своего школьного приятеля и проговорил:

- Привет, Столб! Как жизнь молодая?

- Да вроде ничего. А что? У тебя имеются конкретные предложения?
 - Насчет конкретных предложений, конечно, можно подумать. А пока у меня к тебе есть конкретный вопрос. Ты на этой неделе по каким дням дежурил?
 - Да в чем дело-то? С чего это вдруг ты заинтересовался моими дежурствами?
 - Значит, есть причина.
 - Ну, давай уже, выкладывай свою причину, а то мне некогда с тобой просто так болтать.
 - Ух ты, какой занятой! Ладно, вопрос вот какой. Я тут у себя на камере засек твою машину на стоянке возле нашей заправки. С включенной мигалкой, между прочим. А тебя там не было, и Толяна не было, какой-то незнакомый парень в нее сел. Так вот, мне стало интересно – что, у вас с Толяном новый напарник появился или что? И какой у вас интерес к нашей заправке?
- Полицейский на мгновение замолчал, затем переспросил:
- В какой день, ты сказал, наша машина попала на камеру?
 - Вообще-то я пока насчет дня не говорил, но могу сказать, – и парень назвал роковой день, когда Эва опоздала на автобус.
 - Позавчера, что ли? – мрачно спросил Вася. – Так я и думал... обещаю, что никому про это не расскажешь.
 - Само собой, никому, кроме вас с Толяном. А что такое?
 - Понимаешь, мы в тот день заехали в гости к Люське...
 - К Люське Гусевой?
 - Ну да, сам понимаешь... Люська – баба добрая, мы у нее маленько засиделись...

- Во время дежурства? - уточнил собеседник.

- Ну да...

- Вот почему наше районное отделение отстает по раскрываемости преступлений!

- Да ладно тебе! Кто это тебе сказал?

- Да шучу, шучу!

- Такими вещами не шутят! Мы, между прочим, вовсе даже не отстаем, а наоборот!

- Ну ладно, ты начал рассказывать про тот день...

- Ну да. Значит, выходим мы от Люськи, смотрим - нет нашей машины. Оставили мы ее чуть в сторонке, чтобы ни у кого лишних мыслей не было насчет нас и Люськи, а какой-то гад ее угнал. Ты только прикинь, каким нужно быть отморозком, чтобы угнать полицейскую машину во время дежурства!

- А вы к Люське небось с мигалкой ехали?

- А то!

- Да, видно, у того человека серьезные проблемы с головой!

- А я тебе о чем?

- Значит, пропала машина? Вы, конечно, операцию «Перехват» объявили?

- Ты что, шутишь? Ведь это тогда пришлось бы объяснять, где мы ее оставили и по какой причине!

- Так что же вы начальству сказали?

- К счастью, ничего не пришлось говорить. Мы только еще репу чесали и думали, как быть - а тут Степаныч мне звонит...

- Это какой же Степаныч?

- Ну, тот, у которого гараж и мастерская в Запечье. Звонит, вот как ты сейчас, и спрашивает, не ищем ли мы свою машину. Мы ему - Степаныч, родной, где она? А он объясняет, что какой-то хмырь бросил ее возле его гаража. И что мы, само собой, можем ее забрать. Ну, мы с Толяном вздохнули и погнали в Запечье...

- На чем?

- У Мишки Полуянова мотоцикл реквизируют. Все равно Мишка пьяный был и мотоцикл ему ни к чему.

- Степаныча-то хоть отблагодарили?

- Ну а как же! Само собой, бутылку ему поставили.

- Дешево отделались!

- Да ладно, Степаныч нам по жизни должен! Мы его сколько раз прикрывали... он с ворованными деталями сколько раз попадался, а мы на это закрывали глаза.

- Все равно он вас от больших неприятностей спас.

- Ну да. Ты мне лучше скажи - у тебя там на записи виден отморозок, который нашу машину угнал?

- Только со спины.

- Ни на кого из наших не похож?

- Я не узнал. Со спины мужик как мужик, самый обыкновенный, молодой, росту среднего, не толстый, не худой... в общем, стандартный. В форме он был, кстати.

- Ну, елки-палки! Ладно, ты про это молчи, чтобы до начальства не дошло.

- Договорились!

- Ну, все слышала? - спросил парень Эву. - Угнали у них машину, попользовались, потом бросили. Не знаю, кто уж тебя так сильно любит, что такую подлянку устроил.

Парень смотрел с подозрением, Эва испугалась, что он сопоставит даты и сообразит, что она имеет отношение к тому самому автобусу, который взорвался на семнадцатом километре. Она поскорее распрощалась и поехала на работу.

Начальник, видно, побеседовал с сотрудниками, чтобы не приставали к Эве с вопросами, а лучше занялись своими непосредственными обязанностями. Так что Светка Милашкина только поинтересовалась, как поживает ее синяк, и снова предложила свои услуги, и злыдня Леонида Павловна шипела из угла что-то неодобрительное.

В конце дня начальник вызвал Эву в кабинет. Она шла, ожидая плохих новостей. В лучшем случае начальник узнал, что утром она не ходила на допрос, а ездила по своим делам. А в худшем, ему звонили из очень серьезной организации и что-то такое про Эву сообщили. Может, велели ее уволить?

Однако ее опасения не оправдались.

- Вот что, Стрижева, - сказал начальник, - тут такое дело, что работы с вас в последнее время, как с козла молока.

«Увольняет, - поняла Эва, - сам козел»!

- Я с вами спорить не собираюсь, - заметил начальник, поскольку Эва не уследила за своим лицом, и он сумел прочитать на нем многое. - Вас теперь, конечно, будут на допросы таскать, а у меня работа стоит. Я заказчикам не могу сказать, что у меня ведущий специалист под следствием находится!

- И ничего не под следствием! - возмутилась Эва, решив, что ей нечего терять. - Я у них как свидетель прохожу! Сами же меня в ту командировку послали!

– Голос у меня в кабинете могу повышать только я, – сказал начальник, который, все знали, никогда ни на кого не орал, предпочитал делать выволочки тихо.

Эва наконец взяла себя в руки и решила молчать. Совершенно не в ее духе скандалить с начальством.

– В общем, так, – строго сказал начальник, – со всех проектов я вас снимаю. Дела передадите Алексею. Если что нужно, он сам с вами свяжется.

«Уволил!» – мысленно вздохнула Эва. Теперь эта мысль ее не ужаснула.

– А вам предложу такой вариант, – продолжал начальник. – Можно, конечно, в отпуск уйти, но я так понимаю, что это для вас не подходит. Тогда посылаю вас на недельный семинар. С завтрашнего дня.

– Что еще за семинар? – Эва откровенно разинула рот.

Чтобы начальник ее, востребованного специалиста, послал неделю скучать на дурацком семинаре?

– Вы не ослышались, – невозмутимо ответил начальник, – там занятия с десяти до трех, потом на работу можете не приходить. И там никому не нужно сообщать, отчего вы не можете присутствовать. Я надеюсь, за неделю ваша ситуация прояснится. В ту или другую сторону. Всего хорошего, успехов в учебе.

– Спасибо, – только и успела сказать Эва.

Все же начальник у них человек неплохой, что и говорить.

Наутро Эва отправилась по указанному адресу. Здание, где проходил семинар, было буквально увешано вывесками. Были тут группы для детей, мастер-классы, музей анатомии человека и даже какой-то квест. Сбоку притулилась вывеска «Отличный театр».

– Мне на семинар, – сказала Эва старушке, сидящей у входа. Бабуля читала толстую детскую книжку с картинками.

– А это тебе сейчас направо по первому этажу, потом налево, а потом будет лестница, по ней поднимешься на второй этаж, а там люди есть, спросишь, какая комната. Если буфет нужен – то он на третьем этаже. Только иди все прямо, никуда не сворачивая и никакие двери не открывай! – крикнула старуха Эве вслед.

Эва пошла по коридору направо и все шла и шла, надеясь обнаружить поворот налево, но вокруг были только стены. И наконец, когда она уже отмахала едва ли не километр (так ей, по крайней мере, показалось), впереди обнаружилась дверь.

Может, за ней лестница? Эва нажала на ручку, дверь открылась.

Эва оказалась в узком коридоре, по стенам которого были развешены фотографии. Судя по всему, это были снимки актеров и актрис – некоторые портретные, другие сделаны во время спектакля – в гриме и сценических костюмах.

Эва поняла, что вместо семинара попала в театр, и хотела было выйти обратно, как вдруг на глаза ей попала одна из фотографий.

Она застыла, как громом пораженная.

Это была фотография молодого артиста... и этот артист был Эве хорошо знаком. Хотя видела она его всего один раз, но запомнила на всю жизнь. Короче, это был лейтенант Черемыкин, тот самый полицейский, который задержал ее на автостоянке в поселке Бережки, из-за чего она опоздала на автобус.

И осталась жива, мысленно добавила Эва.

Под фотографией имелась подпись – «Актер Евгений Чистяков».

В первый момент у Эвы еще оставались какие-то сомнения – возможно, это просто случайное сходство, может быть, актер Чистяков действительно похож на лейтенанта Черемыкина – но тут же она увидела рядом на стене еще одну фотографию.

На этой фотографии тот же актер был изображен в форме полицейского, с погонами лейтенанта на плечах – и Эва больше не сомневалась: именно этого лейтенанта она видела на автостоянке в поселке «Бережки». Именно в этой форме. Форма даже сидела на актере Чистякове так же плохо, как на лейтенанте с автозаправки. Чувствовалось, что она с чужого плеча.

Под фотографией стояла подпись:

«Евгений Чистяков в сцене из спектакля «Ангел в погонах».

Выходит... выходит, этот актер... этот актеришка из второразрядного театра облачился в форму полицейского, позаимствованную из театральной костюмерной, и приехал на автостоянку, где сыграл роль лейтенанта Черемыкина... Ну да, говорил же тот парень с заправки, что у настоящих ментов угнали машину с мигалкой, пока они у какой-то Люськи прохлаждались!

Но зачем? Какой в этом смысл?

В результате этой импровизированной постановки она, Эва, опоздала на автобус. Но кому и зачем это могло понадобиться? Кто был режиссером и драматургом сцены на заправке?

Бывают пьесы, в которых задействован всего один актер. Бывает даже театр, который так и называется – театр одного актера. Но в ее случае сцена на автостоянке была разыграна перед одним-единственным зрителем – перед ней, Эвой.

Что же это – театр одного зрителя?

Тут она вспомнила, что как раз актеров в той сцене было двое – кроме «лейтенанта», в ней была задействована еще ревнивая бабенка, явно хорошо знакомая с липовым полицейским. Может быть, она – тоже актриска из этого театра?

Эва осмотрела все снимки на стене, но не нашла ревнивую и скандальную особу из Бережков. Впрочем, это еще ничего не значит. Может быть, она недавно работает в театре и еще не заслужила фотографию на стене.

Или она актриса из другого театра... Ага, погорелого... Надо же, какую сцену разыграла, как в образ вошла! Натурально в драку полезла, синяков наставила...

Одно Эва поняла точно: актер Чистяков должен что-то знать о событиях того рокового дня. Он должен знать, кто и зачем устроил тот спектакль. Кому и зачем понадобилось задержать ее на автозаправке, чтобы она не села в тот автобус.

Значит, ей непременно нужно поговорить с Чистяковым, и как можно скорее...

И тут за спиной Эвы раздался громкий мелодичный голос:

- Вас заинтересовали наши актеры?

Эва обернулась и увидела высокую стареющую женщину со следами былой красоты.

- Приходите на наш спектакль, ближайший будет завтра. «Соло для часов с автоответчиком», замечательная современная пьеса. Вообще, наш театр – один из лучших в городе, он так и называется – «Отличный театр»... не подумайте, что это название нескромно. Он отличный в том смысле, что отличается от всех других театров...

- Завтра я не смогу, у меня вечер занят.

- Ну, может быть, в какой-то другой вечер. Если заинтересуетесь – вот мой телефон, я занимаюсь распространением билетов на все спектакли этого театра, – и женщина протянула Эве картонный прямоугольник визитной карточки. – Может быть, заинтересуется кто-то из ваших друзей и знакомых...

Эва взглянула на визитку.

На ней был напечатан номер мобильного телефона и написано:

«Отличный театр. Татьяна Дмитриевна Ларина, заместитель директора».

- Спасибо, Татьяна Дмитриевна. Какое у вас замечательное имя! В точности как у пушкинской героини! А вообще, я хотела вас спросить вот о чем. Ваши актеры

наверняка подрабатывают в разных коммерческих проектах?

– Ну, вообще-то да... – смущенно призналась Ларина. – Работа в театре – это для души, для вечности, но жить-то на что-то нужно... кто-то снимается в рекламных роликах, кому-то удается попасть в телевизионный сериал...

– Я вас вполне понимаю. И у меня есть конкретное предложение для одного из ваших актеров.

– Для кого же?

– Для Евгения Чистякова.

– Для Чистякова? – переспросила Ларина. – Но вообще он сейчас занят в съемке рекламного ролика. Но у нас и кроме него есть хорошие актеры... Может быть, у вас найдется работа для Миши Сундукова? Это замечательный, очень талантливый молодой артист! У него наверняка большое будущее...

Эва бросила взгляд на стену с фотографиями и увидела там снимок молодых мужчины и женщины, под которым было написано:

«Михаил Сундуков и Мария Сундукова в сцене из спектакля «Муравьев и Стрекозаева».

Мария Сундукова была удивительно похожа на Эвину собеседницу. Так похожа, как бывают только близкие родственники – к примеру, мать и дочь. Все понятно – Татьяна Дмитриевна пытается подыскать работу для своего зятя...

– Кстати, – спохватилась Ларина, – я не спросила, какого рода ваша работа?

– Тоже нечто вроде рекламы. Я – сотрудник фирмы «Сириус». – Эва протянула Лариной свою визитку. – Мы выпускаем программное обеспечение для мобильных телефонов и планшетов, и один из наших основных заказчиков – инспекция дорожного движения. Сейчас мы готовим для них презентацию новой программы, и нам нужен актер, который смог бы сыграть симпатичного сотрудника дорожно-патрульной службы. Так вот, Чистяков, на мой взгляд, идеально подходит на эту роль. Я видела его фотографию в полицейской

форме – это именно то, что нам нужно. Тот самый типаж, который мы искали.

– Да, роли полицейских ему действительно удаются... что ж, если он вам подходит – почему бы нет? Приходите на завтрашний спектакль, он в нем участвует...

– Извините, но мне хотелось бы поговорить с ним уже сегодня. Мы сегодня должны принять решение. Если он не согласится, буду искать другую кандидатуру. Где я могу его найти?

– Ну, если сегодня... он сейчас снимается в рекламном ролике фармацевтической фирмы. Он играет в этой рекламе роль кишечной палочки...

– Какую роль? – Эва решила, что ослышалась.

– Кишечной палочки! Бактерии! – повторила Татьяна Дмитриевна с тяжелым вздохом. – Эта фирма рекламирует лекарство от желудочных расстройств.

– Что ж, это тоже востребованный продукт и значительный сегмент рынка!

– Так вот, вы можете застать его на съемках и переговорить прямо на месте.

– А где проходят съемки?

– В офисном центре «Нюанс» на Малом проспекте Васильевского острова.

Эва поблагодарила Татьяну Дмитриевну и покинула театральный коридор, выбросив из головы семинар. Ничего, обойдутся без нее! Ничего полезного там не будет.

Выскользнув на улицу, села в машину и поехала на Васильевский остров.

Однако по дороге она почувствовала какое-то смутное беспокойство.

Прислушавшись к своим ощущениям, бросила взгляд в зеркало заднего вида и тут поняла причину этого беспокойства.

За ее машиной уже довольно давно ехала черная «Тойота».

Конечно, это может быть случайностью, но у Эвы было такое чувство, что она уже видела эту машину. Она и вчера висела у нее на хвосте.

Чтобы проверить свои подозрения, Эва свернула в боковой переулок и остановилась.

И тут же черная машина выехала из-за угла и проехала мимо нее.

Эва подождала несколько минут, развернулась и выехала из переулка.

И почти сразу увидела позади ту же самую «Тойоту».

Сомнений не осталось: за ней следят, причем следят достаточно грубо, не особенно скрываясь. Если бы те люди старались скрыть слежку, они меняли бы машины, увеличили бы дистанцию...

Что ж, теперь она знает о слежке и постарается от нее избавиться.

Справа по курсу Эва увидела большой торговый центр. С трудом найдя свободное место на парковке, она вышла из машины и направилась к центру, но перед самым входом задержалась и взглянула в зеркальную витрину ювелирного магазина.

Черная «Тойота» припарковалась недалеко от ее машины.

Ну ладно, пускай стерегут ее... Эва и без машины доберется до места.

Тут из черной машины вышел рослый плечистый парень в черном костюме, огляделся и пошел следом за Эвой.

- Вот вы как!

Эва вошла в центр, поднялась на эскалаторе на второй этаж.

Сверху она увидела парня в черном. Он шел по ее следу, как гончая.

Эва усмехнулась и направилась в магазин женского белья.

Остановившись возле стойки с лифчиками, выглянула в коридор.

Вот появился парень в черном, покосился на дверь магазина, но прошел мимо. Эва огляделась и увидела второй выход. Воспользовавшись им, вышла в другую галерею, спустилась вниз на лифте и выскользнула на улицу.

Тут же перешла дорогу и села на первый попавшийся троллейбус. Проезжая мимо торгового центра, увидела, как оттуда выбежал парень в черном и растерянно завертел головой.

Проехав две остановки, сошла с троллейбуса и на этот раз остановила маршрутку, которая ехала на Васильевский остров.

Через четверть часа Эва подошла к офисному центру «Нюанс».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/natalya-aleksandrova/svyaschennyy-krest-tamplierov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)